

УДК 165.3

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОБЛЕМНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

И.Б. Ардашкин

Томский политехнический университет

E-mail: ibardashkin@mail.ru

Рассматриваются онтологические основания проблемно-ориентированных исследований. Констатируется, что проблемно-ориентированный процесс научного познания сопровождается двумя взаимообусловленными процессами: «субъективизацией объекта» и «объективизацией субъекта». Данные процессы идут виртуально. Сфера виртуальности выступает в качестве основного онтологического фона осуществления проблемно-ориентированных исследований. Подобное позволяет сохранить за наукой возможность считаться системой объективного знания. В то же время общество сохраняет существенные рычаги воздействия на развитие науки.

Ключевые слова:

Проблема, научная проблема, философские основания, проблемно-ориентированные исследования.

Key words:

Problem, scientific problem, the philosophical bases, problem-oriented researches.

В последние годы значение науки и научных исследований возросло. Невозможно представить сегодня перспективу общественного развития без участия науки. Однако такое положение несет не только позитивные следствия, но и негативные. Общество, оказавшись во многом зависимым от науки, стремится контролировать ее функционирование. Эта ситуация порождает сложности, связанные с неопределенностью статуса науки, которая в подобном случае утрачивает статус объективной системы знания. В то же время общество, учитывая свою зависимость от науки, а также все возрастающую стоимость научных исследований, уже не может позволить ученым осуществлять свою деятельность бесконтрольно. Отсюда возникает необходимость поиска таких способов взаимодействия науки и общества, которые позволяли бы соотносить обозначенные факторы, сохраняя науку в качестве системы объективного знания и учитывая интересы общества.

Такой формой соотношения науки и общества в философии и эпистемологии в последние годы стали проблемно-ориентированные исследования, которые «актуализируют аспект проблем человека и использование всего арсенала разработанных им знаний и технологий для их решения, а не аспект проблем познания, проблем науки, через призму которых и рассматривалось бытие человека» [1. С. 75]. Поэтому сегодня действительно важно обратиться к осмыслению онтологических оснований проблемно-ориентированных исследований, которые позволяют уточнить бытийную сторону взаимодействия науки и общества, а также выявить фундаментальное единство гуманитарного и естественного видов познания.

Демонстрация этого фундаментального единства не значит, что онтологические конструкции реальностей, выраженные в гуманитарных и естественных науках одинаковы, речь идет о единстве различных подходов к изучению этих бытийных сфер. Между реальностью гуманитарных и реальностью естественных наук нет непроходимой гра-

ницы. Эти реальности вряд ли могут быть отождествлены, но они взаимосвязаны и взаимозависимы, о чем говорят процессы глобальной интеграции в современной науке. Поэтому то, что проблема в своих разных вариантах функционирования пребывает в ситуации интеграции этих разных способов проблематизации, подтверждает справедливость выше сказанного.

Проблемно-ориентированные исследования выступают как новый тип научного исследования, где возможно совмещение способов функционирования проблемы в естествознании и гуманитаристике. Происходит совмещение двух способов организации знания (ответная организация и вопрошание). Что является онтологическим основанием такого рода совмещения, как и за счет чего это возможно – вот основной аспект исследования в параграфе.

Для выполнения поставленной задачи автор планирует рассмотреть три следующих момента. Первый момент связан с изучением особенности представления в современной науке предметного мира. Второй момент предполагает обращение к субъект-объектному отношению как основному познавательному отношению с целью обозначения специфики его современной интерпретации. И третий момент связан с необходимостью обращения к понятию виртуальность как термину, выражающему возможность соотношения явлений, процессов, сущностей разной природы между собой. Иными словами, автор хочет показать, как научные представления о предметном мире демонстрируют необходимость его воображаемой (мыслимой) «достройки», как субъект-объектное отношение нуждается в дополнении субъект-субъектным отношением, как виртуальность позволяет нам осуществлять процессы «достройки» в познании без серьезной трансформации как самой реальности (объекта), так и субъекта.

Предметный мир и его представленность в познании в последнее время связаны с определенными трудностями. Суть этих трудностей заключается

в том, что сегодня не один тип знаний (даже философия) не в состоянии четко сказать, что из себя представляет реальность, предметный мир. Каждый тип знания формирует с удивительной настойчивостью свою реальность, которая уже в зачаточном состоянии демонстрирует свою ограниченность, фрагментарность, неполноценность. Становится ясно, что мир (реальность) при все своем единстве плюралистичен, но этот плюрализм не выражает ни один тип знания. По мнению И. Пригожина, И. Стенгерса, «по своему характеру наша Вселенная плюралистична, комплексна. Структуры могут исчезать, но могут и возникать. Одни процессы при существующем уровне знаний допускают описание с помощью детерминированных уравнений, другие требуют привлечения вероятностных соображений» [2. С. 18].

Другая трудность в представлении реальности, предметного мира, связана с необходимостью включения времени в картину реальности. Ведь в классической науке (рациональности) знания о мире вневременны, законы, по которым мир функционирует, не учитывают того, что существует эволюция, динамика, меняющие этот мир и его законы. Однако введение времени в систему знаний не облегчает, а усложняет наши представления о реальности. Человек еще не готов к такому восприятию действительности. Как пишут И. Пригожин, И. Стенгерс, «физическая реальность, которую мы описываем сегодня, является временной. Она охватывает законы и события, достоверности и вероятности... Открывает путь новым формам объективной познаваемости» [3. С. 212].

Можно сказать, что введение времени в картину реальности добавит ей неопределенности. Не случайно ситуацию современного познания характеризуют как вызов неопределенности. Действительно, люди привыкли к тому, что знание мира «гарантирует» им предсказуемость происходящих событий, понимания того, что такое реальность и как она развивается. Введение же времени, плюралистичности говорит о том, что наши знания вовсе не гарантия предсказуемости происходящих процессов в будущем. Как считает Э. Морен, «в предыдущие века люди всегда верили в будущее: они или считали, что в будущем их ожидает повторение прошлого, или же верили в прогресс. В XX в. люди обнаружили, что утратили будущее, ибо установили, что будущее непредсказуемо» [4. С. 16]. Неспособность предсказать есть следствие неспособности ответить на вопрос, а что такое реальность в настоящий момент.

Особенно показательна ситуация обозначения реальности, предметного мира в науке. Классическая наука имеет дисциплинарную структуру, где каждая дисциплина выражает аспект реальности, фрагмент объекта познания. Этот вид науки при рассмотрении реальности ориентируется на объективность, где последняя выступает и в качестве условия (истина как результат познания должна быть объективной, отображать объект достоверно),

и в качестве структуры (качество объекта определяет структуру научного познания). Объективность науки определяет дисциплинарную структуру науки по принципу: чем больше научных дисциплин, тем больше объективного начала в реальности выражает знание.

Казалось бы, ситуация достаточно естественная и понятная. Однако трудности начинали возникать тогда, когда требовалось это знание применить к миру в целом, либо к объекту, который выражал в себе предметный интерес различных наук (например, человек). В таких ситуациях и проявлялась противоречивость научных представлений о реальности, когда, с одной стороны, они продолжали дифференцировать мир, развивая научную специализацию, а, с другой стороны, они интегрировались друг с другом, формируя «метазнание» науки. Вот здесь и выясняется сложность подобно-го предметного выражения реальности науки.

Сегодняшний кризис научных знаний, в том числе вызван и дисциплинарной структурой науки, поскольку он обозначает противоречивость ее развития, несоответствие современным культурным идеям целостности познания, выражающей единство мира. Как пишет Е.Н. Князева [5], «научно-технический прогресс демонстрирует нам сегодня двоякого рода тенденции.

С одной стороны, возрастает специализация различных научных дисциплин, знание становится все более эзотерическим, доступным только специалистам, экспертам в узких дисциплинарных областях...

А с другой стороны, налицо противоположная тенденция – тенденция к интеграции и целостности. Происходит ломка границ между дисциплинами, вторжение проблем одних научных дисциплин в другие, циркуляция понятий. Возникают поля полидисциплинарных исследований, где в изучении сложного явления происходит встреча различных научных дисциплин, возникают взаимные влияния, наводятся мосты взаимодействия» [5. С. 29–30].

Противоречивость структуры научного знания отображает нашу противоречивость в представлениях о реальности. Для человека действительно сложно представить мир не через структуру дисциплин науки, хотя он и понимает ее фрагментарность и ограниченность. Но это, в первую очередь, наше предельное восприятие мира. Как пишет И.Т. Касавин по этому поводу, что несколько противоестественной выглядит система знаний науки на основе междисциплинарного взаимодействия, но эта противоестественность – результат дисциплинарной картины мира, которая организуется собирательным путем. Куда более понятной должна выглядеть междисциплинарная структура науки, но опыт такого понимания мира, следовательно, конструирования знания у нас мал. «Неявной предпосылкой данных недоразумений является представление о дисциплинарной структуре науки как о естественной норме и о междисциплинарно-

сти как отклонении от нормы, как переходном состоянии науки на пути к новому типу дисциплинарности. Нам представляется, что, напротив, именно междисциплинарное (не предполагающее при этом жестких границ каждой вовлеченной дисциплины) взаимодействие есть естественное состояние науки, предельным случаем которого является относительно строгие дисциплинарные структуры, границы которых задаются не столько системами знания, сколько институциональными формами» [6. С. 7].

Можно согласиться с И.Т. Касавиным в вопросе о том, что необходима и междисциплинарная, и дисциплинарная структура науки. Кроме того, следует добавить, что подобная структура знаний сегодня характерна не только для науки, но и для других типов знания. Ведь та же наука взаимодействует и с искусством, и с религией, и с философией и т. д., также как эти типы знания взаимодействуют с наукой и между собой. В настоящее время познание предстает как взаимодействие, а не противостояние, демаркация.

Но в случае с наукой и с другими типами знаний возникает вопрос, а как реализуется междисциплинарность, межтипковая интеграция знаний. Реальность выступает и как единая, и как множественная структура, поэтому необходимо стремиться добиваться единства представлений о мире через идею междисциплинарности знаний. Как пишет А.Ю. Чмыхало, «происходит пересмотр эпистемологического смысла целого ряда феноменов, выделяемых в научном познании, перемещение их из периферии познавательного интереса в пространство значимых, ситуационных философских проблем, позволяющих выявить многообразие факторов детерминации знания» [7. С. 74].

Вот здесь и возникает одна из сложностей, особенно в аспекте обоснования истинности результатов междисциплинарных исследований [6. С. 6–8]. Автор же предполагает, что точкой соотношения дисциплин (типов знания) могут выступать проблемно-ориентированные исследования. Именно они позволяют реализовать и междисциплинарные исследования, и дисциплинарные, именно они демонстрируют свою трансдисциплинарность. Проблемно-ориентированные исследования выступают как основание для интегрированного обозначения реальности, в котором предметность естествознания совмещается с возможными мирами гуманитарного знания. Проблема в проблемно-ориентированных исследованиях выступает как референт реальности в сфере знания, который здесь имеет место. Вопрос как форма ее проявления позволяет интегрировать и образ реальности естественных наук, и образ реальности гуманитарных наук.

Любое исследование осуществляется в определенное время и в определенном месте, это исследование осуществляется с определенной целью, но это исследование, раз оно осуществляется, еще не выражает собой результат, а значит, это исследо-

вание и есть проблема и в содержательном, и в процессуальном выражении. Проблема в проблемно-ориентированных исследованиях интегрирует знания, поскольку в их рамках каждая дисциплина может вполне осуществлять познание, не разрушая ее дисциплинарного основания. Реальность тогда реферируется через интеграцию разных способов функционирования проблемы, поскольку она ставится под вопрос. А значит, представляет из себя «незавершенную завершенность», процессуально-результатирующую форму своего обозначения. Проблематизируясь, реальность обретает открытое состояние, в котором она фактически функционирует. Человек (субъект) только таким образом и может выражать реальность вне зависимости от того, предметна она или нет.

Обратимся к анализу субъект-объектного отношения в познании и его трансформации, происходящей в последнее время.

Научная гносеология Нового времени подменяет две сферы бытия (субъективного и объективного) одной – сферой знания, выдавая эту сферу за сферу объекта. Именно поэтому допускается абсолютное тождество бытия и мышления, субъекта и объекта в конечном результате познания. Абсолютное тождество выбивает «почву» у проблемы, которая демонстрирует отсутствие этого состояния между субъектом и объектом, помимо этого оно лишает самодостаточности и сферу субъекта, и сферу объекта, поскольку сливает их в сфере знания.

Такое понимание онтологических оснований проблемно-ориентированных исследований сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, возникает сложность при познании разнопорядковых объектов (объектов микромира, макромира, мегамира). Мышление человека не может свести все эти объекты к единому универсальному способу выражения, они не тождественны мышлению, субъекту. Об этом пишут многие отечественные исследователи, подчеркивая, что возникновение принципов дополнительности, соответствия и т. д. – свидетельство того, что объект полностью не сводим с субъектом в сфере знания [8–10].

Во-вторых, изменилось понимание природы субъекта, которая основана не на принципе отражения реальности, а на принципе ее конструирования. Субъект – это не пассивное начало, чья функция – отражение мира, субъект – активное начало, чья функция – преобразование мира в результате взаимодействия с ним. Особенно последовательно эту идею проводит Р. Рорти. Он не приемлет, «образ, пленником которого является традиционная философия, поскольку она представляет ум в виде огромного зеркала, содержащего различные репрезентации, одни из которых точны, а другие – нет. Эти репрезентации могут исследоваться чистыми неэмпирическими методами. Без представления об уме как зеркале понятие познания как точности репрезентации не появилось бы» [11. С. 9].

Р. Рорти выражает познание через невозможность соотношения субъекта и объекта. Здесь также у проблемы утрачивается почва, поскольку в ней не соединяются через познание субъект и объект, она выражает собой чистую сферу (чистую проблему). Проблема у Р. Рорти – сфера самой же проблемы, где последняя сама себя проблематизирует. Это такая субъективная реальность, которая утратила свою субъективность, сведя роль субъекта к функции зависимости от предметного мира (потребителя, которым как хотят, так и «крутят» рекламные технологии производителя, материальное потребление).

Автор же исходит из идеи того, что проблемно-ориентированные исследования строятся на такой онтологической основе, где возможно соотнесение, взаимодействие естественных и гуманитарных наук, предметного и духовного мира, истины и красоты, ценности и пользы. Проблема выражает поле такой реальности, поскольку именно она сохраняет через вопрос стремление к целостности выражения миров разных наук, демонстрируя их открытое состояние, готовность интегрироваться друг с другом. Предпочтение же одного из типов научности приводит к большей точности, снижает степень проблемности (уменьшает количество вопросов, увеличивая количество ответов), но ограничивает человека в возможности дальнейшего развития, в видении им перспектив. И, наоборот, увеличивает различные возможности, усиливает перспективы, но без всякого движения в сторону их реализации.

Чтобы сделать осуществимой обозначенную интенцию в сфере познания, следует рассмотреть субъект-объектное отношение в плане возможности его интеграции с субъект-субъектным отношением (как это было в разделе, посвященном исследованию специфики гуманитарного знания, его научности). Там субъект-объектное отношение обретает второстепенный статус, рассматривается сквозь призму субъект-субъектного отношения, через изучение возможности их интеграции с субъект-субъектными отношениями. Но следует подчеркнуть, что это не отказ от субъект-объектного отношения, а уточнение того, как это отношение выявляет необходимость своего дополнения в познании.

Преимущество субъект-субъектных отношений заключается в том, что они показывают равнозначность и самодостаточность познавательных начал, их несводимость друг к другу. Это свидетельствует о том, что в познании оба начала не тождественны друг другу, что благодаря этому они взаимодействуют и функционируют. Значит, проблема как основание, через которое осуществляется их соотношение, не может лишиться своего бытийного статуса, ибо это познавательные начала не тождественны и не сводимы друг к другу. Одно начало в этих отношениях не подменяет другое или не элиминирует его полностью. Субъект-субъектное отношение демонстрирует, что познание возможно как взаи-

модействие этих начал, поскольку без коммуникации знание и не возникнет. Как пишет Л.А. Маркова, субъект в этих отношениях «приобретает индивидуальные особенные черты не в силу своей принадлежности культуре, социуму, истории и т. д., а в силу своей обращенности именно к данному, а не к другому объекту творчества в науке, искусстве, философии. Субъект не противопоставляет предмету как отличный от него, а сосредотачивает в себе такие элементы хаоса (целого, виртуального мира), которые дают ему возможность включиться именно в эту ячейку актуализированного мира и содействовать созданию образа в кино, решению конкретной научной проблемы и т. д. В то же время и предмет мысли (в науке это особенно очевидно) как бы «выпадает» в моменты творческой активности из логической структуры, делающей его отличным от «субстанции мыслящей», и в результате он становится зависимым от субъектных характеристик» [12. С. 109].

Ограниченность субъект-объектного отношения, необходимость его интеграции ориентирует организацию этого отношения по принципу субъект-субъектного, только вторым началом этих отношений является все же объект. Проблема формирует основание для связи субъекта и объекта, связи, которую следует понимать как неустранимую. Это значит, что и субъект, и объект существуют, с одной стороны, автономно, а, с другой стороны, в исключительно проблемном состоянии – состоянии взаимопроникновения друг в друга, но в рамках субъективной реальности исследователя. Причем все это существует одновременно. Если же мы сведем субъект-объектное отношение к субъект-субъектному, т. е. не будем учитывать особенность второго начала как объекта, то утратим гносеологическое содержание этого отношения. С такого рода пониманием можно столкнуться у Р. Рорти, который «останавливается на полпути, и если в критические моменты истории науки субъектные характеристики выдвигаются на передний план, он только на них и сосредотачивает свое внимание, причем предметная сторона мышления полностью ими поглощается» [12. С. 109].

Трансформация статуса проблемы в таком виде субъект-объектных отношений очень сложно соотносится с историей познания, особенно с историей научного познания. Ведь последнее имеет вид знания, которое осуществляется через решение проблем. История классической науки – это история решения научных проблем с целью накопления и совершенствования научного знания. Рассмотрение проблемы в проблемно-ориентированных исследованиях выступает в качестве условия такого познания, в рамках которого происходит интеграция субъект-объектного и субъект-субъектного отношений при сохранении за каждым таким отношением их самодостаточности.

Укоренение проблемы в качестве основания проблемно-ориентированного познания не исключает возможности решения проблем, рассмо-

трения истории науки как истории решения научных проблем. Так же, как и решение проблем не говорит о том, что проблема элиминируется из познания, утрачивает свое место в силу того, что на вопросы, ее составляющие, получены ответы.

Сегодня меняется познание не только как когнитивная деятельность субъекта, познание становится сферой, в которой эта деятельность сопрягается с другими видами деятельности субъекта, с его судьбой, что порождает такой фон, в котором сочетаются даже противоположные сущности. Как пишет Л.А. Маркова, «если прежде существовали как бы две параллельные истории – история научных идей и социальная история науки, включая личностные особенности ученого, то теперь структуру научного и предмет изучения нельзя противопоставить и отделить от субъекта познания. Чтобы понять, что есть научное знание, его надо соотносить не столько с прошлым и будущим, сколько с контекстом, с тем, что сосуществует с актом его производства. Тем самым естествознание сближается с искусством, где всегда новое произведение представляло интерес, прежде всего, с точки зрения создания его именно этим автором, скорее не похожее на другие произведения, чем как обладающее чем-то общим с ними. Для XX в., вообще, характерна обращенность внимания мыслителей к началам, а начала у каждого свои» [12. С. 99]. Проблемно-ориентированные исследования как раз и предполагают совмещение познания с другими сторонами деятельности человека и общества, демонстрацией того, что не одно из направлений человеческой деятельности никогда не будет понято как целостное явление, если его рассматривать отдельно, вне связи с другими направлениями.

Решение проблемы – это не факт того, что она «снимается», элиминируется из познания, а вместе с ней элиминируется и неопределенность знания. Решение проблемы – это сужение контекста, но не устранение последней, поскольку в ином контексте она вновь появится и проявит себя. Проблема как центральное начало проблемно-ориентированных исследований направлено на сохранение целостности познания, свидетельствует о безграничности мира, множественности контекстов. Отсюда новое в познании зачастую определяется не как нечто выводимое из прошлого, оно рождается благодаря смене контекста, а не времени, хотя и последнее не исключено. А смена контекста осуществляется посредством интеграционных процессов.

Проблема свою основательность в проблемно-ориентированном познании проявляет прежде всего через обозначение интегрированного пространства. Проблема фактически выступает как метафизическое основание организации научных исследований. Она является «незримым» центром, определяющим характер познавательных действий. Устранение такого «центра» лишает познания (научного познания) перспективы, делает науку «вещью-в-себе», невостребованной для общества. В проблемно-ориентированных исследованиях

проблема обретает бытие, которое не несет в себе темпоральную составляющую. Это не значит, что проблемно-ориентированные исследования не историчны, а значит, что проблема не может в рамках этих исследований временно выражать для последней онтологическое основание. Не случайно субъект-субъектные отношения служат примером того, с помощью чего можно показывать особенность функционирования субъект-объектных отношений. Поэтому сегодня вполне допустимы представления о познании, где преобладают континуальные, пространственные образы. Так, по Л.А. Марковой, «сама процедура рождения нового как бы выпадает из ряда развития. Время, история, развитие отходят на задний план, а на передний выдвигаются пространство, контекст» [12. С. 99].

Субъект-объектные отношения в специфике своей современной интерпретации указывают, что они вне интеграции с субъект-субъектными отношениями не могут сохранить за наукой ее познавательную функцию, поскольку сугубо познавательная направленность науки лишает последнюю возможности что-то решать для человека. А без проблемы затруднена организация такого рода интеграции. Другое дело, что подобная интеграция зачастую осуществляется как пожелание, как идеализация, поскольку в действительности ее очень сложно реализовать. Поэтому сегодня актуализируется интерес к понятию «виртуальность», поскольку именно с его помощью нагляднее удастся продемонстрировать интеграционные процессы между предметным и духовным мирами, между методологическими приемами естествознания и гуманитаристики, между субъект-объектными и субъект-субъектными отношениями. Как пишет Л.А. Микешина, «поэтому в реальном исследовательском процессе, не скованном доктринами, наука не элиминирует субъекта, но предоставляет ему максимальные возможности в творческом поиске, «разрешая» ему выходить в виртуальный мир в ходе мысленного эксперимента, моделирования, создания абстракций и идеализаций различного рода» [13. С. 351]. Без понятия «виртуальность» было бы сложно выразить онтологические основания проблемы в проблемно-ориентированных исследованиях.

Следует оговориться, что понятие виртуальность – понятие, которое сегодня не является четко проработанным. Это значит, что существует ряд позиций, подходов, чьи представления очень сильно разнятся. Однако подобное состояние философских исследований виртуальности – не повод, чтобы отказаться от использования этого понятия.

В отечественной литературе наиболее проработаны два подхода: подход Н.А. Носова [14] и подход С.С. Хоружего [15]. Автор будет опираться на подход С.С. Хоружего, поскольку этот подход лучше демонстрирует виртуальность, особенность виртуального бытия. Такая позиция подтверждается не только субъективными предпочтениями автора. Так, А.Ю. Севальников пишет: «Обратимся

теперь к модели, предложенной С.С. Хоружим. Из всех теоретических схем она отличается наибольшей обстоятельностью, продуманностью и проработанностью» [16. С. 235]. Поэтому сначала коротко обрисует сущность концепции виртуальной реальности С.С. Хоружего.

Концепция С.С. Хоружего более удобна еще и потому, что он ориентируется на построение онтологического каркаса виртуальной реальности. Исследователь не удовлетворен интуицией и эстетическим воображением, которые чаще всего используют при описании виртуальной реальности. Как пишет С.С. Хоружий, «все наличные материалы свидетельствуют, что эти представления о виртуальной реальности все время остаются лишь именно представлениями или интуициями, доброй волей лежащими в сфере сырого и непродуманного, противоречивого и туманного. Дистанция, отделяющая «представления» от научных понятий и философских концептов, пребывает неопределенной и весьма значительной».

Мы попытаемся наметить философский контекст и онтологический каркас, в рамках которого было бы возможно полноценное философское продумывание виртуальности» [15. С. 53].

Виртуальная реальность для С.С. Хоружего важна, поскольку она позволяет философии выявить еще одно измерение реальности, которого последняя еще не выводила, не обнаруживала. Выведение виртуальной реальности С.С. Хоружий начинает, опираясь на структуру аристотелевой реальности, которая троична: дюнамис, энергия, энтелехия. Каждый из структурных компонентов характеризуется особыми свойствами: «Δυναμις — возможность, потенциальность, потенция; Ἔνεργεια — энергия, деятельность, действие, акт, актуализация, осуществление; Ἐντελεχεια — энтелехия, действительность, актуализированность, осуществленность» [15. С. 55]. Эта структура целостна, а механизм ее функционирования следующий: возможность с помощью энергии переходит и оформляется в энтелехию.

В философии традиционно в этой триаде акцент делался на первом или третьем компонентах, на возможности (потенции) и энтелехии (действительности), тогда как энергия (действие) рассматривалась как вспомогательный компонент. По мнению же С.С. Хоружего, в этой триаде как раз и заложена возможность трактовки, связанная с центрацией на энергии. Причем трактовка, которую философия не затрагивала. Взять хотя бы категории Аристотеля возможность и действительность, где отсутствует механизм взаимодействия этих категорий. А этот аспект бытия имеет возможность показать себя как существенный для человека. С.С. Хоружий пишет: «Став дискурсом энергии, философский дискурс в любой теме будет развертываться, в первую очередь, в горизонте энергии и как прослеживание того, что совершается с энергией. Историческая судьба такого дискурса своеобразна. В философии он практически отсут-

ствовал до сих пор (если не считать подходов, в той или иной мере коррелятивных — дискурсов воли, любви, желания и т. п.). Однако его главные принципы, примат энергии и деэссенциализованная трактовка последней, выдвигались и полагались в двух областях чрезвычайно разного рода: в некоторых древних школах мистико-аскетической практики (включая православный исихазм) и в современной квантовой физике и космологии» [15. С. 56–57].

Именно реальность, в основе которой лежит энергия (действие), должна быть онтологической основой виртуальной реальности. Энергия выступает как свободное начало, поскольку она не опосредована ни целью (окончательным результатом), ни началом (возможностью). Это особая реальность, в которой главное событие — действие (бесцельное и беспричинное). Энергия может сближаться с потенцией, возможностью, но не с целью, результатом, поскольку первая не угрожает ее свободе, сохраняет сущность ее бытия, а последняя отнимает свободу, направляет энергию в русло цели. Такое действие начинается, но не завершается. «Когда энергия делается деэссенциализованной, она сближается с потенцией и может выступать как начинательное усилие: не столько сформировавшийся акт, сколько лишь побуждение, побудительное движение; и не столько оформившееся движение, сколько чистый импульс, первый толчок или «росток» движение — вы-движение, вы-вступление из стихии потенции — к актуализации (впрочем, хотя и начинательное, но уже выступившее, отделившее себя от потенции отчетливо и определенно, ибо имеющее определенную энергию)» [15. С. 58].

Проблема выступает также в качестве энергетической сферы проблемно-ориентированного познания, чья виртуальность проявляется через постоянное действие. «Энергия, когда она отделена от энтелехии-сущности, имеет исключительно природу действия, «деятельностную», существуя лишь в действии и не существуя сама по себе» [15. С. 57]. Поэтому и возникает такое двойственное восприятие проблемы как действия и как результата. Проблема как результат (ответ) временно элиминируема из познания, проблема как действие (вопрос) не элиминируема из познания, т. к. она континуально пребывает в топосе познания. И то, что мы можем там ее не видеть, не обнаруживать, полагая ее отсутствие как условие того, что она решена, ничего не значит, ибо проблема все равно есть, даже не существуя. Ее среда — это виртуальная среда, это энергия, бытие между, интегрированное начало. Проблема существует как событие «между», как совмещенное начало, которое нельзя выразить, говоря словами С.С. Хоружего, «обналичить».

С.С. Хоружий показывает, что виртуальная реальность — это реальность «необналичиваемых» событий. Суть «необналичиваемости» события заключается в его трансцендированности. Но это не совсем та трансценденция, о которой шла речь

в европейской философии. Та классическая трансценденция полагала возможность границы между чистым явлением и его опытным выражением, между чистым сознанием и чувственным восприятием. Но такой границы не существует в чистом виде. Поэтому и трансценденция нуждается в новой трактовке. «Выясняется с разных сторон – начиная со строгой феноменологии – что дискурс чистой мысли отнюдь не может быть целиком изолирован, от дискурса телесности, как и от дискурса воли, желания – и в свете этого концепцию естественного трансцендирования следовало бы пересмотреть. – В итоге же, трансцендирование остается сегодня – как и оставалось всегда – топосом, открытой проблемой и узлом проблем» [15. С. 61].

Трансценденция у С.С. Хоружего как способ обозначения «необналичиваемых» событий должна отличаться от классического своего варианта именно обозначением отсутствия четкой границы, горизонта между разделяемыми сферами. Это в классической философии трансценденция гарантировала образец в чистом виде, что и предполагало результат, завершенность. По С.С. Хоружему же, трансценденция как раз-таки не предполагает завершенности, чистого образца результата. Как пишет С.С. Хоружий, «так мы подходим к одной из тем, где отражается граничный характер трансцендирования как топоса философии. С одной стороны, казалось бы, заведомо возможно сопоставить трансцендированию как некоторому действию – его законченность и завершенность, полноту его актуализированности. С другой стороны, однако, такое сопоставление придает трансцендированию – или точнее, гипотетической «завершенности трансцендирования» – телос, энтелехию и наличествование, т. е. свойство, которыми оно, по определению, обладать не может, которым оно предельно чуждо. Трансцендирование – особое, единственное в своем роде действие онтологического исхода, и его «завершенность» и «актуализированность» – если вообще о них можно говорить! – также особого рода» [15. С. 63]. Такую «завершенность» и полноту трансцендирования С.С. Хоружий предлагает обозначить термином «трансцензус». А «это – то имя бытия, в котором исполняется трансцендирование как глагол бытия. Но сразу необходимо подчеркнуть, что эти новые понятия – трансцензус, транс-телос, транс-энтелехия – только условны и проблематичны, они не решают, а только выявляют проблему, намечают ее язык» [15. С. 63].

С.С. Хоружий рисует такую реальность, где допускается наличие явлений и вещей в энергичном существовании. Эта энергичность предполагает, что событие может начаться, но оно никогда не будет завершено. В то же время, С.С. Хоружий полагает, что между различными реальностями (бытийными измерениями) не существует четких границ, а это позволяет явлениям, вещам, событиям существовать одновременно в разных изме-

рениях: потенциально, энергично, действительно. Проблема именно выражает эту бытийную особенность виртуальной реальности, бытия между интегрированной среды. Как пишет А.Ю. Севальников, «парадоксальность такого бытия состоит в том, что «существует» то, чего, по сути, нет. Реальность такого рода не обладает сущностью, она не-эссенциальна. А раз она не-эссенциальна, то она и не может актуализироваться, достигнуть состояния энтелехии, осуществленности. Это есть «бытие-действие», о котором говорит С.С. Хоружий, чистая область действия, которая никогда не обладает завершенностью, законченностью, и в этом смысле бесцельна, т. к. энтелехия и есть «телос», конец, цель вещи, которой тут как раз и нет» [16. С. 237].

С этими характеристиками виртуальной реальности совпадают характеристики реальности, предметные референции мира, которые сегодня вырабатываются в философии. Реальность, чье единство посредством проблемы объединено, совмещено, интегрировано, может обрести искомое воплощение энергично. Это та реальность, которую человек хочет иметь, но которую он не видит. Аналогично выглядят субъект-объектные отношения, которые должны полагать разнорядковые сущности (субъект и объект), но неявным образом строятся по принципу однорядковых, но индивидуально-неповторимых начал (субъектов). Подобная подмена также не предполагает завершенности и выраженности того, на что познание направлено, а значит, среда, где возможно это действие (субъект-объектные отношения), предстает как среда «необналичиваемых событий».

Таким образом, познание виртуализируется, что и предполагает выражение его потенциала, бесконечности, незавершенности через интегрированность разных его форм. Проблема в этом мире обретает свой генезис как основание механизма интеграции в научном познании.

Изучение онтологических оснований проблемно-ориентированных исследований показало, что они строятся на таком принципе конструирования реальности как целостность. Поэтому для проблемно-ориентированных исследований важно, что каждая онтологическая конструкция того или иного мира выстраивалась через взаимодействие с другими онтологическими конструкциями. В проблемно-ориентированных исследованиях познаваемый мир строится как такое начало, которое не может быть сведено ни к одному из его составляющих начал. Данная бытийная конструкция представляет собой интеграционное единство. Поэтому познание такого мира невозможно лишь при условии использования способа проблематизации, применяемого либо в естествознании, либо в гуманитаристике. Это показывает и сложность выражения предметного мира, который используется в современной науке, и кризис субъект-объектного отношения в его возможности осуществлять познавательную функцию науки.

Только совмещение представлений о предметном и духовном мирах, только взаимная ориентация субъект-объектных и субъект-субъектных отношений друг на друга позволяет при постановке и решении проблемы стремиться к целостному выражению реальности. Наиболее естественным способом эта целостность познания достигается при использовании способов функционирования проблемы в естественных и гуманитарных науках с помощью виртуализации. Виртуализация, понимаемая как энергичное состояние явления, в котором интегрированы его действительное и возможное состояния, характеризует бытие проблемы в проблемно-ориентированных исследованиях. Это означает, что естественнонаучный способ функционирования проблемы элиминирует субъекта (субъективную реальность) из знания, но этот процесс осуществляется виртуально, т. е. как условность, как то, что субъект заключает себя в скобки, а на самом деле он здесь присутствует, интегрирован в знание имплицитно. И наоборот, исключение предметного мира из знания гуманитарных наук понимается как виртуальное исключение.

В то же время хочется подчеркнуть, что виртуальность как механизм интеграции естественнонаучного и гуманитарного способов проблематиза-

ции несет в себе опасность, связанную с тем, что не снимает с человека ответственности за соблюдение степени применения этого механизма. Излишнее применение виртуализации, ее абсолютизация может привести к утрате контроля со стороны человека, к потере чувства реального.

Поэтому излишняя проблематизация, проявляющаяся в усилении виртуализации, очень опасна. Ведь человек подменяет одну реальность другой. Виртуализация приводит к снятию ответственности, когда человек может делать все, что угодно, ведь делает он это в другом мире. Однако характер восприятия поступка сохраняется и человек поступает виртуально.

Отсюда можно сделать главный вывод: виртуальность выступает онтологическим основанием, позволяющим интегрировать способы функционирования проблемы в естественных и гуманитарных науках, сохраняя специфику последних и одновременно обозначить новую реальность, совмещающую духовный и материальный (предметный) миры.

Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. и в рамках Государственного задания «Наука».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ардашкин И.Б. Философские основания проблемно-ориентированных исследований // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316. – № 6. – С. 74–78.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: КомКнига, 2005. – 294 с.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. – М.: Прогресс, 1999. – 265 с.
4. Морен Э. Принципы познания сложного в науке XXI века // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире / Отв. ред. Н.К. Удумян. – М.: Прогресс, 2004. – С. 7–28.
5. Князева Е.Н. Сложные системы и нелинейная динамика в природе и обществе // Вопросы философии. – 1998. – № 4. – С. 138–143.
6. Касавин И.Т. Философия познания и идея междисциплинарности // Эпистемология и философия науки. – 2004. – Т. 2. – № 2. – С. 5–14.
7. Чмыхало А.Ю. К проблеме междисциплинарности в философии науки // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 314. – № 6. – С. 74–78.
8. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 255 с.
9. Микешина Л.А. Философия познания. Полемика главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 622 с.
10. Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.
11. Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – 297 с.
12. Маркова Л.А. Переосмысление субъект-предметного отношения // Вопросы философии. – 2006. – № 8. – С. 98–110.
13. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. – М.: Росспэн, 2007. – 438 с.
14. Носов Н.А. Виртуальная реальность // Вопросы философии. – 1999. – № 10. – С. 152–164.
15. Хоружий С.С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. – 1997. – № 6. – С. 53–68.
16. Севальников А.Ю. Онтологические аспекты виртуальной реальности // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты / Отв. ред. Акчурин И. А. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 208–241.

Поступила 05.12.2011 г.